

ТАК БЫЛО

Воспоминаниями о пережитом делится с читателями Николай Александрович Мяков.

В 1929 году мой отец работал председателем Пителинского сельсовета. В тот год шла усиленная коллективизация. При этом репрессиям подвергались и простые, добросовестные труженики. Их, «зажиточных людей», зачисляли в подкулачки и конфисковывали скот и все домашнее имущество.

Однажды поздней осенью того далекого года мы (мама с братишкой на руках, я и сестренка) возвращались от нашей бабушки домой. Она жила на улице Сенной (по соседству с теперешней библиотекой), а мы — на Красной. Время было вечернее. И в тот момент, когда мы подошли к своему крыльцу, мама увидела человека. Он стоял в углу около сарая и высокого забора. У мамы хватило смелости подойти к нему. Она узнала его, спросила, что ему надо и что он тут делает. В ответ тот произнес: «Жду твоего Саньку-Монаха». («Мона-

хи» — была наша уличная кличка, а точнее — прозвище. Мой дед по отцовской линии не употреблял спиртного и не курил. А коли так, то прозвали его Монах).

Мама выяснила, зачем человеку из Шибкова понадобился наш отец, и у нее хватило житейской мудрости пригласить его в дом. И когда «гость», оглядев детально нашу избу, не нашел того, что искал, заматерился и вышел на улицу.

А все дело в том, что этого пострадавшего человека ввели в заблуждение и при этом сказали, что его трюмо (зеркало) взял себе Санька-Монах. Вот тот по злости и решил с отцом за это рассчитаться. А поскольку в руках у него был обрез, то, появившись отец раньше нас у своего дома, вероятнее всего эта встреча для него добром бы не кончилась.

Вот такую ценность представляло в то время

обычное для нас большое зеркало, называемое трюмо, и какую цену имела человеческая жизнь.

Когда этот неожиданный визитер ушел, маму всю трясло. Дрожали и мы — я и сестренка.

После этого случая произошел и второй, где отец тоже чудом уцелел. Ему и милиционеру Горюнову приказали ехать в Веряево, чтобы там провести агитацию за колхозы. Дело было зимой. Поехали они порознь и, наверное, разными дорогами. Отца остановили веряевские мужики у своей заставы. Его узнали (заезжали к нам некоторые из них, когда ездили на базар) и посоветовали ему «повернуть оглобли». Сказали, что в селе бунтуют. Отец раздумывать не стал и приехал домой. А Горюнов проскочил и его там забили до смерти.

Да, жизнь нашего российского крестьянина была не из легких, в своем хозяйстве, до колхозов, трудились все от мала до велика.

Но не только труд определял эту жизнь. До варфоломеевского 37-го и да-

лее, уже после войны, в нашем райцентре культурная жизнь была ключом. Тут свою положительную роль сыграло и то, что многие руководители района из райкома и рика принимали активное участие во всех этих мероприятиях. Эти присланные к нам москвичи не были зашорены, не отделили себя от простого народа.

Все это я знаю не понаслышке, а сам свидетелем был. Отец мой был по складу своего характера активный человек. Он и в хоре, и в драмкружке принимал непосредственное участие.

Наш клуб притягивал к себе пителинцев, как магнит. Там и кино часто шло, и спектакли устраивались, и танцевальные вечера. Запомнился мне Владимир Лакеев. Он был директором и в то же время заводилой всех культурных мероприятий, в которых принимал самое активное участие. Поэтому приятно мне читать в нашей газете, что традиции проведения смотров художественной самодеятельности сохранились до сих пор.